

Источник: Даркевич В.П. Древняя Рязань. В кн.: Природа, 1993, № 6, с. 30-47. Все права сохранены.

Размещение электронной версии в открытом доступе произведено: <http://travel.kotomsk.ru>. Все права сохранены.

Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2006 г.

В.П. Даркевич

Древняя Рязань

Среди крупнейших древнерусских городов XII—XIII вв. Рязань (теперь это дер. Старая Рязань Спасского района Рязанской обл.) предстаёт перед нами как один из самых величественных и богатых центров земель-княжений, как город-страж у юго-восточных, граничащих с половецкой степью окраин Руси и одновременно как средоточие интенсивной созидательной деятельности — экономической, политической, культурной. В числе других центров такого же масштаба Рязань может служить эталоном высших достижений древнерусской цивилизации: это многоликий сложный мир, сконцентрированный на небольшом пространстве. Подобно живому существу, каждый средневековый город в зависимости от множества факторов обладал индивидуальным обликом, над каждым витал свой «гений места». Выявление своеобразия любого городского организма, в чём бы оно ни выражалось,— увлекательная задача для историка и археолога. Вместе с тем стольные города Руси отличало единство материальной и духовной культуры, основанной на христианских началах. Многие города, разрушенные при монгольском завоевании 1237—1240 гг., прошли тот же путь развития, что и Рязань; им присущи близкие системы планировки и застройки, фортификационные сооружения, типы жилых и хозяйственных построек.

Наша попытка представить именно Рязань как «модель» южнорусского города домонгольского времени, как один из очагов интеллектуальной и эстетической средневековой культуры вполне закономерна. Дело в том, что на Старорязанском городище, где находилась столица княжества до перенесения её в Переяславль Рязанский после Батыева разгрома, развернулись крупнейшие археологические исследования.

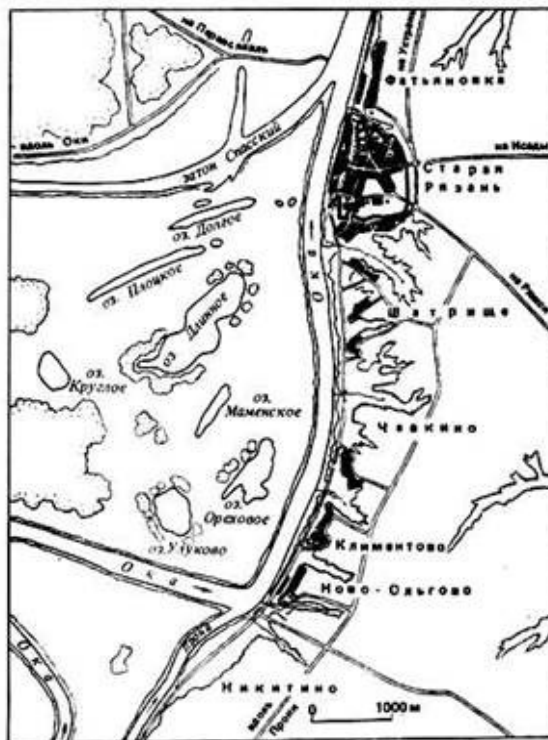

Городище Старая Рязань, расположенное в 60 км от современной Рязани. Древний город возник на мысу при впадении речки Серебрянки в Оку. В центре - самая старая часть городища, у подножия которого - на территории древнего подола - находится современная деревня с церковью Преображения XVIII в.; дорога проходит по трассе XI в.

Фото В. М. Пескова

История изучения Старорязанского городища насчитывает уже 170 лет. Со времени находки в 1822 г. замечательного клада золотых женских украшений Старая Рязань стала вызывать всё усиливающийся интерес любителей отечественной старины. Её организованное исследование начинается после создания в 1884 г. Рязанской учёной архивной комиссии, но раскопки зачастую проводились на дилетантском уровне и плохо документированы. В 1926 г. экспедиция выдающегося археолога В. А. Городцова, несмотря на недостатки методики (вскрытие культурного слоя траншеями), положила начало подлинно научному изучению домонгольской Рязани. Планомерные исследования городища связаны с экспедицией 1945—1950 гг. во главе с А. Л. Монгайтом, в ходе которой были вскрыты важные участки городской территории, обнаружены остатки жилищ и ремесленных мастерских, изучались укрепления [1]. Однако многие кардинальные проблемы оказались нерешёнными, и в 1966 г. экспедиция возобновила работу (до 1970 г.— под руководством А. Л. Монгайта, затем — В. П. Даркевича) [2]. Исследования велись по единому, чётко разработанному плану

Институтом археологии РАН и Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником. Поскольку, в отличие от большинства крупнейших городов древней Руси, подобных Киеву, Чернигову, Смоленску, Владимиру, Новгороду и др., на городище Старая Рязань почти нет культурных слоев позднее XIII в., раскопки приняли широкомасштабный характер и велись большими площадями. Это обстоятельство, наряду с хорошей сохранностью рельефа городища и микроландшафта вокруг него, позволило изучить градостроительную структуру и социальную топографию древней Рязани, определить время её возникновения и пути колонизации славянским населением. Фиксация объектов, лишённых культурного слоя,— просёлочных дорог, проходящих по старым трассам, разветвлённой овражной системы с её ручьями и источниками — дополняет целостную картину Рязанского микрорегиона в XI—XIII вв. Внешний вид «града Рязани» с его предместьями и сельской округой благодаря комплексным исследованиям предстал по-новому, во всей сложности многоплановых композиций. Примечательно, что Рязань среди других древнерусских городов выделяется обилием кладов драгоценных украшений из золота и серебра (всего 13 — второе место после Киева), причем девять из них обнаружены нашей экспедицией. Этим уникальным произведениям прикладного искусства древней Руси посвящены многочисленные публикации [3]. В настоящее время ввиду финансовых трудностей археологические работы на Старорязанском городище, к сожалению, приостановлены.

1) Ландшафт в районе Рязани XII—XIII вв. В отличие от широко разбросанных нынешних деревень древние селища располагались узкими полосами по высокому берегу реки.

Поселения XII-XIII вв. Церкви Овраги

Пойменные кустарники и перелески

2) Речная галька с «планом» Оки в районе Старой Рязани. Показано главное русло реки, которая при впадении р. Прони круто поворачивает на север.

Проня обозначена тонкой двойной линией с короткими черточками — ручьями. Условно представлены и мелкие речушки и ручьи — правые притоки Оки. Посредине древний «картограф» прочертил старицу Оки, на песчаном берегу которой ныне расположен г. Спасск.

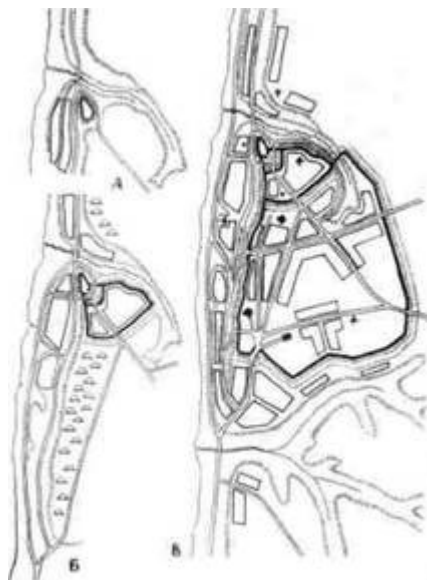
План Старорязанского городища. Современные дороги проходят по трассам древних улиц. Археологические раскопы сосредоточены в наиболее заселённой части города; на севере показаны траншеи, проложенные при раскопках В. А. Городцова в 1926 г.

Гд-~) Раскопы (с 1966 г.)

jq [Раскопы экспедиций В. А. Городцова и А. Л. Монгайта

l ±>>* <u 1 **Валы** | ттт^ч |

L-^J Изолинии высот над уровнем i——J р. Оки, м

Рост городской территории.

А — Кром и древнейшая часть подола;

Б — Средний город до середины XII в. и относившийся к нему курганный могильник;

В — Стольный город («Южное городище») с середины XII в. по 1237 г. Здесь показаны основные уличные магистрали, выводящие к воротным башням, вдоль них густо заселённые кварталы; на юго-западе — Успенский и Борисоглебский соборы, на северо-западе — Спасский княжеский храм рубежа XII—XIII вв.;

крестиками обозначены предположительные места деревянных церквей.

Конкретное археологическое изучение этого памятника, о котором сохранились довольно скудные летописные свидетельства, вынуждает весьма критически отнестись к некоторым тенденциозным построениям советской историографии. Несвободный в своих суждениях историк эпохи тоталитарного режима, недопустимо переоценивая экономический фактор в обществе и человеческом духе, а в социологии руководствуясь идеями «классовой борьбы», подгонял факты под заранее заданные концепции. Они достаточно примитивны, ибо, как правило, не учитывают многообразия и неоднозначности процессов и явлений, а, напротив, стремятся к их унификации и нередко — к грубой модернизации дофеодальных и раннефеодальных отношений. Рассуждение входит в порочный круг: обязательная для всех теория априори рассматривается как факт, а затем утверждается, что теория подтверждается фактами. Поскольку фальсификация в зависимости от

политической конъюнктуры охватила не только новейшие, но и все периоды русской истории, считаю своевременным внести в статью элемент полемики.

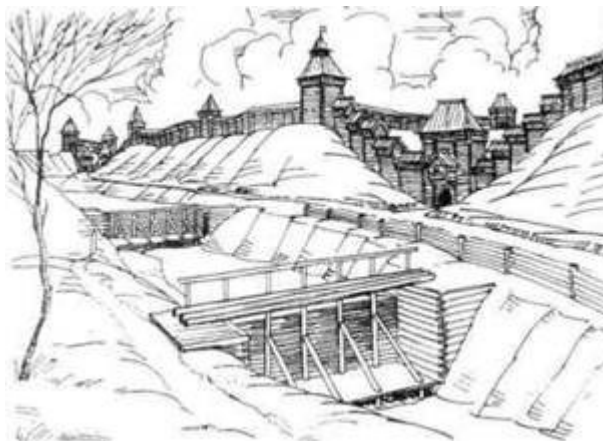
• **ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД И ЕГО СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА**

Показательным примером упрощённого экономического детерминизма и непонимания природы средневековой экономики является следующая дефиниция: «Древнерусским городом можно считать постоянный населённый пункт, в котором с обширной сельской округи — волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведённого там прибавочного продукта» [4]. В «Советском энциклопедическом словаре» (1982 г.) читаем: «В эксплуататорских формациях прибавочный продукт безвозмездно присваивается господствующими классами и служит источником их обогащения и паразитического существования». Для домонгольского времени о подобных фактах угнетения не сохранилось ни одного документа. Не учитывается роль агрикультуры в самом средневековом городе, обитатели которого вели полукрестьянскую жизнь: хозяйство рядового горожанина, как и крестьянина, включало, по данным раскопок на городище и близлежащих селищах, двор (усадьбу) с дворовыми постройками («дворище»), сады, огороды, нивки. Места для содержания скота располагались как в пределах укреплений, так и вне их. Сохранялись права на пользование общинными угодьями (луга, леса, воды). О каком «прибавочном продукте», отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, если Рязань, как показали археологические исследования, возникла около середины XI в., т. е. веком раньше окружающих её сельских поселений? Город в данном случае служил не только базой расселения, но и опорным пунктом для близлежащих деревень: при военной угрозе крестьянское население укрывалось за стенами Рязани. Селища концентрируются длинными цепочками вдоль Оки — в ближайших окрестностях укрепленного города и центрального транспортного узла на Окском пути. С середины XII в. Рязань превращается в участника сельской колонизации в крупных масштабах.

Первоначальная крепость на Северном мысу (Хром — верхний город). Со стороны реки и текущей по дну глубокого оврага речки Серебрянки он ограничен крутыми склонами. На переднем плане справа — часть курганного могильника.

Все архитектурные реконструкции выполнены Г. В. Борисовичем.

Въезд в город со стороны устья Серебрянки. Справа — стены Крома, слева — Среднего города, между ними в ложбине — «Серебряные ворота». Со стороны поля сохранился вал с сухим рвом.

Кром и Средний город с восточной стороны. На первом плане «Водяные ворота» и частокол, защищавшие верховья Серебрянки — источник водоснабжения Рязани на случай осады.

Хозяйственное освоение окского правобережья почти на 10-километровом отрезке от дер. Фатьяновка на севере до дер. Никитино на юге было обусловлено исключительно благоприятными природными условиями. Так называемый северный чернозём южнее Рязани (с 5—6 % гумуса) — переход от среднерусских дерновых суглинков на лёссе, распространённых узкой полосой по правому высокому берегу Оки, к типичному чернозёму. Южнее Рязани перемежались полосы дубово-берёзовой лесостепи со степными островами, вторгавшимися с юга. Издавна славились луговые угодья левобережья Оки напротив Рязани, где ширина поймы достигает 12 км. В прошлом пойма была занята липо-дубравами, она изобилует озёрами. На Мещёрской стороне простирались огромные массивы хвойных лесов северного типа со множеством окружённых болотами озёр. В краю рязанского Поочья всё благоприятствовало занятиям хлебопашеством, рыболовством, промыслами, домашними ремёслами. Город и окрестные селища составляли единый хозяйственный комплекс, что подтверждает их топография. Изрезанность балками придаёт особую живописность некоторым участкам правого берега, особенно у дер. Чевкино, где он напоминает скопление причудливых пирамид или зубчатых башен. По дну балок текут почти пересыхающие летом мелководные ручьи, берущие начало от ключей с чистой ледяной водой.

Окрестности Рязани — это «страна источников»; их близость влияла на выбор места поселения. Чрезвычайно интересна найденная в одном из жилищ XII в. речная галька с вырезанным на ней загадочным рисунком. Можно предположить, что изображен схематичный план Оки в районе Рязани, включая Спасский затон и устье Прони, но — зеркально перевернутый.

Исследование поселений в рязанской округе не подтверждает тезиса, распространенного в советской историографии, будто уже к XII в. среди членов сельской общины (верви) выделилась группа зажиточных людей, царило имущественное неравенство. Археологические материалы говорят о социально однородном составе крестьянского населения.

Историческое ландшафтоведение, палеоэкология помогают воссоздать не только хозяйственную жизнь, но и мировосприятие человека древней Руси. Он стоял лицом к лицу с лесом, рекой, степью — основными стихиями русской природы, то ласковой, то гневной. Она задавала ему нелёгкие вопросы, и решать их приходилось, рассчитывая только на свои силы и сноровку. Люди Средневековья стояли гораздо ближе, чем мы, к девственной, неупорядоченной природе. Они видели в ней источник жизни, но хорошо сознавали, что её неукротимые силы таят в **себе** постоянную угрозу.

• НАЧАЛО

Среди ещё не обжитой бесконечной земли, в мире непроходимых лесов и нераспаханных равнин, город с крепкими стенами и монументальными храмами, возвышающийся на берегу реки, производил на приближающихся путников впечатление чуда. Природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное пространство, упорядоченный и «одомашненный» мир, где человеку не грозит опасность, где он всегда среди своих. Тем более, что открытые южные рубежи Рязанщины в представлениях горожан ассоциировались с чуждым и враждебным «диким полем», откуда появляются «поганые» (т. е. язычники) половцы, «скорые на кровопролитье». «Человечный» и «разумный» образ жизни с его служением земле, которую надо ежегодно обихаживать, противостоял полудикому существованию кочевников, подвижных, как морской прибой. С опаской смотрели земледельцы и ремесленники в сторону «чистого поля», где господствовал словно слившийся с конём беспощадный лучник.

С XI—XII вв. на Руси, как и в Западной Европе, вместе с оживлением торгового

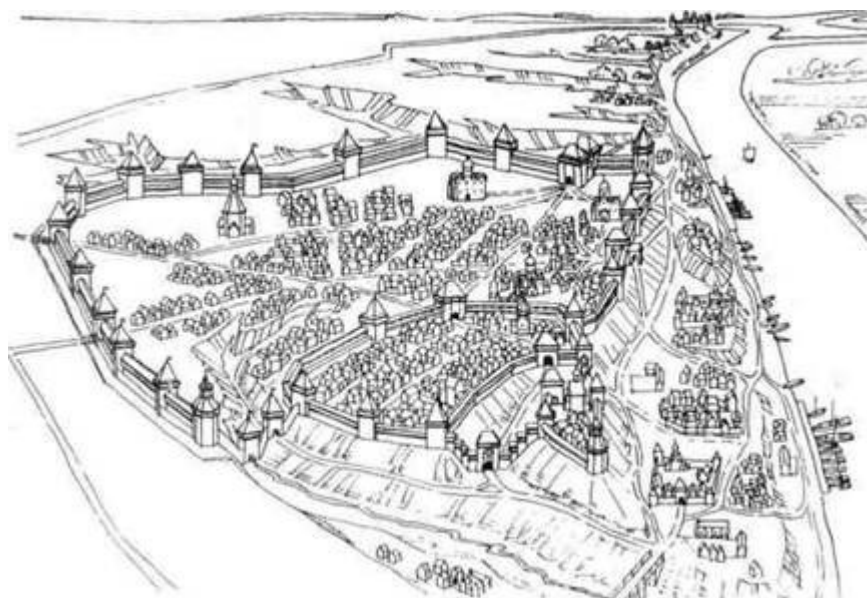
обмена и ремесла происходит стремительная урбанизация. Взлёт градостроительства в эпоху Ярослава Мудрого и его сыновей не мог не поражать воображения русских людей. Тогда же славянскими переселенцами в районе плодородных земель и в центре пересечения речных и сухопутных дорог была основана Рязань (около середины XI в.; первое упоминание в Лаврентьевской летописи под 1096 г.). Её положение в «контактной зоне» на границе леса и степи наложило отпечаток на занятия и культуру населения. Естественная граница между северной Мещёрской и южной лесостепной сторонами Рязанской земли проходила по Оке. Благоприятные условия для лесного, промыслового и особенно земледельческого хозяйства, для расцвета торгово-ремесленной деятельности, необходимость стратегического центра вблизи от поля половецкого — всё это и предопределило возникновение Рязани.

Скульптурный портрет женщины, жившей в Рязани в XII в. Реконструкция лица по черепу из погребения сделана Г.В. Лебединской.

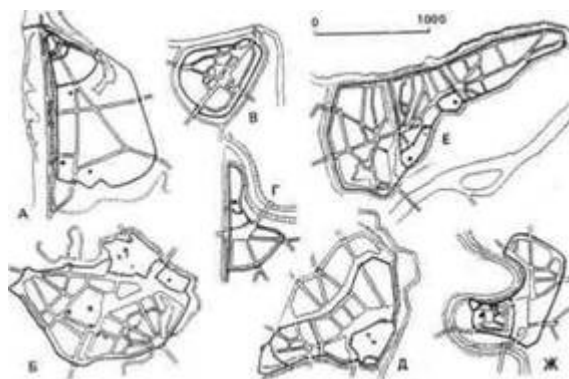
Город начинался с оборонительной стены, его «пояса»; с разрушением укреплений он переставал существовать. При непрерывных междоусобных войнах и набегах кочевников стены с башнями, определявшие наряду с каменным зодчеством лицо города,— это не романтическая деталь, а суровая необходимость. В литературе Руси первоначальное значение слова «город» — ограда, забор, стена, т. е. огороженное место. Поначалу Рязань занимала маленький Северный мыс (или, по нашей терминологии, Кром - верхний город). Со стороны поля, где нет естественных преград, была сооружена засыпанная грунтом деревянная стена, от которой уцелело еле заметное всхолмление. По-видимому, крепость-убежище ограждал частокол из вертикально вкопанных заостренных бревен. Возникновение

этого ядра будущего стольного города вполне закономерно: это и цитадель, призванная обезопасить окско-волжский путь, который вёл в сказочно богатые страны мусульманского Востока, это и погост — место стоянки «гостей», именитых купцов, и вместе с тем стан для князей и сборщиков дани — полюдья. Сюда стекались подати пушниной с подвластных финно-угорских племён.

Рязань в первой трети XIII в. (вид с севера).

Чётко различаются три разновременных оборонительных пояса: на первом плане — крепость (Кром); к ней примыкают стены Среднего города; периметр внешних оборонительных стен Стольного города достигает 3,5 км. Между Окой и западной оборонительной стеной раскинулся обширный подол.

Планы городов XII — первой трети XIII в.

**А — Рязань; Б — Киев; В — Переяславль-Залесский; Г — Псков;
Д — Чернигов; Е — Владимир; Ж — Суздаль.**

В первой трети XI в. развивающейся Рязани, вокруг которой начинает спланироваться областная территория, стал необходим свой князь. Возможно, им стал Ярослав Святославич, князь черниговский, позднее — мурома-рязанский (умер в 1129 г.). После смерти Ярослава в Рязани сели его сыновья Ростислав и Святослав: произошло фактическое отделение её от Мурома. И хотя главный стол находился ещё в Муроме, появление в Рязани собственных князей предвещало её обособление в самостоятельный город-государство.

С ростом численности населения Рязани связано расширение городской территории, которая увеличивается в 18 раз — появляется Северное городище, или, как мы называем, Средний город. Рязань получает двухчастную планировочную организацию. Совершенствуется её оборонительный комплекс: дорога от устья Серебрянки, где находилась пристань, на середине подъёма была перегорожена стеной из городней (срубов, забитых землей), устроены проездные ворота с башней, условно названные нами «Серебряными». Между городскими стенами и Окой разрастается подол — неукрепленное предградье.

Археологическое исследование первого периода истории Рязани с 60-х годов XI до середины XII в. заставляет с осторожностью относиться к таким положениям официальной советской историографии, будто города возникали прежде всего в крестьянских земледельческих районах, а внешняя торговля в их образовании не играла особой роли. Вполне очевидна ошибочность стремления объяснить происхождение городов и городского строя какой-либо одной причиной; многообразие конкретных путей их формирования ныне не подлежит сомнению. Эволюционистский подход к сложной проблеме происхождения городов — только из племенных центров (так называемых племенных городов) или только из поселений аграрного типа с их капищами, кладбищами и местами вечевых собраний — представляется непродуктивным и бездоказательным. В действительности города X—XIII вв. — качественно новые образования, жители которых в известной мере противопоставляли себя округе, «деревне», «земле». Это самоощущение подкреплялось административно-правовым оформлением, обособлением города как своеобразной общины, его ведущим положением в сфере образованности, художественном творчестве, в области культа. Это прежде всего административный, военный и культурный (религиозный) центр.

Искусственная подгонка фактов под марксистско-ленинскую теорию привело ортодоксальных историков к не подлежащему обсуждению выводу: город с постоянным населением — итог общественного разделения труда, т. е. отделения ремесла и торговли от земледелия. Но эта абстрактная схема никак не отвечает исторической реальности: полусельским остается быт даже современного города Спасска, основанного в XVIII в. напротив Старорязанского городища. Налицо явная недооценка или даже полное игнорирование всех факторов развития человеческих коллективов, кроме одного — социально-экономического. Разумеется, ремесленное население, как свидетельствуют и раскопки, играло огромную роль: мастера разных специальностей устремлялись к городам, которые предоставляли им удобства и как пункты обмена, и как убежища на случай опасности.

• **ПИОНЕРЫ**

Раскопки на Южном городище (Стольный город) ознаменовались открытием обширного курганного могильника, протянувшегося на 800 м вдоль кромки высокого берега Оки от Спасского собора до юго-западного угла Южного городища. Планомерное изучение этого некрополя второй половины XI — первой половины XII в., а также нижних культурных слоев Среднего города пролили свет на некоторые ключевые проблемы истории Рязани в первое столетие её существования. Анализ вещевого инвентаря, особенно женских украшений, позволил решить вопрос о времени основания города (не X в., как считал А. Л. Монгайт, а середина XI в.), определить регионы, откуда в район средней Оки шло переселенческое движение. Переплетение языческих погребальных обычаев с новыми христианскими чертами помогает приблизиться к пониманию мировоззрения древних рязанцев.

Со второй половины XII в. при расширении городской территории к югу до Чёрной речки и интенсивной застройке «набережной» — самого «престижного» участка Стольного города, были проведены тщательные нивелировочные работы. В результате все могильные насыпи были срыты. Тем не менее нам удалось исследовать свыше 200 захоронений, лежавших в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта.

Миграционные потоки в сторону Рязани двигались из разных славянских земель — об этом свидетельствует набор украшений в женских погребениях, в частности

височные кольца, формы которых специфичны для каждого славянского «племени» (в действительности для этого времени речь идет не о племенах в социологическом значении этого слова, а об историко-этнографических областях, отделенных друг от друга дремучими лесами и реками). Восточнославянские «племенные» группы со своими диалектными особенностями чрезвычайно долго сохраняли общие черты в культуре: своеобразные обычаи, обряды, традиционные одежды и украшения женского костюма. В Рязани оседали переселенцы со смоленского запада (смоленско-полоцкие кривичи), для которых типичны браслетообразные завязанные височные кольца. Одновременно по маршруту верхняя Волга—Нерль—Клязьма—Ока с плотно освоенных плодородных ополей Волго-Окского междуречья (Ростовского, Суздальского, Юрьевского) шло продвижение на его периферийные муромские и рязанские территории. Другой колониционный поток двигался из земли радимичей, обитавших в бассейне Сожа; их отличают семилучевые височные кольца. В области расселения радимичей и в восточной части Днепровского бассейна известны объёмные костяные подвески-уточки. Височные кольца с тремя напускными зернёными бусами — излюбленное украшение женщин этнографической группы дреговичей, живших в низовьях Припяти и по Березине. Родиной многих переселенцев была также область обитания полян с центром в Киеве и вятичей — по верхней Оке. Височные украшения полян среднего Приднепровья представлены проволочными перстнеобразными колечками с сомкнутыми, заходящими или загнутыми в трубочку концами; часто встречаются литые пуговицы грушевидной формы, нашивавшиеся на ворот рубахи, а также перстни — проволочные гладкие или витые. В мужских погребениях обычны лировидные поясные пряжки и ножи у левого бедра.

Центральная часть Стольного города.

На первом плане — Спасский собор, выстроенный смоленскими зодчими, за ним правее — Борисоглебский, ставший в конце XII в. резиденцией епископа. Сзади слева — южная проездная башня.

Этнокультурный состав первых насельников Рязани восстанавливается и по данным погребальной обрядности. Так, в некоторых снесённых курганах обнаружено несколько труположений на кострищах, а также следы кольцевых оградок вокруг могил, что сближает их с синхронными курганами дреговичей, смоленских кривичей, обитателей Волго-Окского междуречья, радимичей и полочан. Итак, постепенное заселение города происходило из разных регионов восточнославянской территории в результате миграции нескольких «племенных» группировок.

Вначале Рязань — сравнительно небольшой город (около 1500 жителей), созданный в ходе вольной внутренней колонизации, которая во многом обуславливалась ростом народонаселения на Руси и несовершенством систем землепользования, когда плодородие полей быстро истощалось. Первоначальная Рязань по занятиям жителей — ещё полуаграрный город, но в него уже стекаются ремесленники. При раскопках в Среднем городе найдены остатки кузнечных, бронзолитейных, гончарных, костеобрабатывающих мастерских. Возникновение новых городов, где смешивалось пришлое население, сопровождалось заменой древних родоплеменных связей территориальными. Под защитой городских стен кровнородственные коллективы при свободе выдела женатых сыновей легко

делились на малые семьи. Исследование дворов-усадоб и могильника Рязани, включавшего и коллективные усыпальницы (от двух до четырех человек), свидетельствует о преобладании в городе автономных малых семей, ведущих индивидуальное хозяйство.

Средневековый город — это мир не столько кровных родственников, сколько соседей. Непременным условием их выживания были взаимопомощь и солидарность в решении общих насущных задач. До середины XII в. Рязань представляла собой суверенную городскую общину из лично свободных людей, вчерашних отважных пионеров-колонистов. Верховную власть в городе наряду с представителями княжеской администрации могло осуществлять народное собрание — вече.

• **ЭПОХА РАСЦВЕТА**

Археологическое изучение Крома, Среднего города и относившегося к ним могильника показало, что социально однородное население раннего города, не затронутое имущественным расслоением, в основной массе состояло из недавних выходцев из местностей Руси, слабо затронутых христианизацией. В женских могилах украшения почти не различаются по качеству исполнения, в мужских набор вещей небогат или их нет вовсе. Вот почему на примере Рязани никак нельзя признать универсальным прочно внедрившийся в умы исследователей тезис о неперменной социально-топографической структуре древнерусских городов по схеме: княжеско-дружинный детинец (внутренняя крепость, кремль) и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (предградье, или предгородье). В основе лежит попытка археологически обосновать постулат о развитой классовой борьбе в Киевской Руси. Советские историки начиная с 20-х годов, исходя из ложной предпосылки, что уже в домонгольское время развитие феодализма на Руси не уступало его «классическим моделям» в Западной Европе, например во Франции XI—XII вв., объявили древнерусский город центром феодального властвования. «Нам думается, что город XI—XIII вв. есть не что иное, как феодальный замок — бург западноевропейского средневековья... Это прежде всего центр феодального властвования над окружающей сельской округой (ошибочность этого положения показана выше.— В. Д.). Бурги и города строились как в целях защиты от внешних врагов, так, в неменьшей степени, и в целях охраны феодальных хищников от крестьянских восстаний» [5]. Наши раскопки с

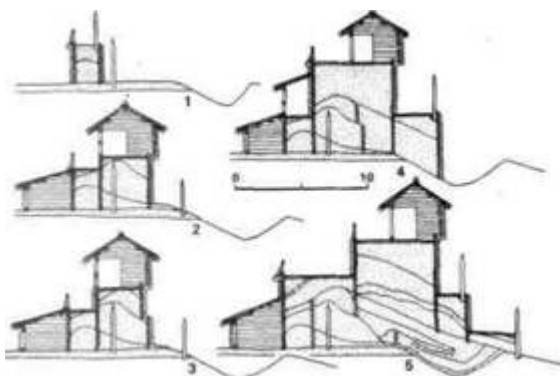
очевидностью показали, что Средний город Рязани — это никак не резиденция «феодалов-хищников», а более древняя часть поселения.

Переселенческое движение в Рязань шло непрерывно, ибо смертность в средневековых городах, особенно детская, была выше рождаемости. Радикально обновлялось население после войн, катастрофических голодовок и эпидемий, уносивших множество жизней.

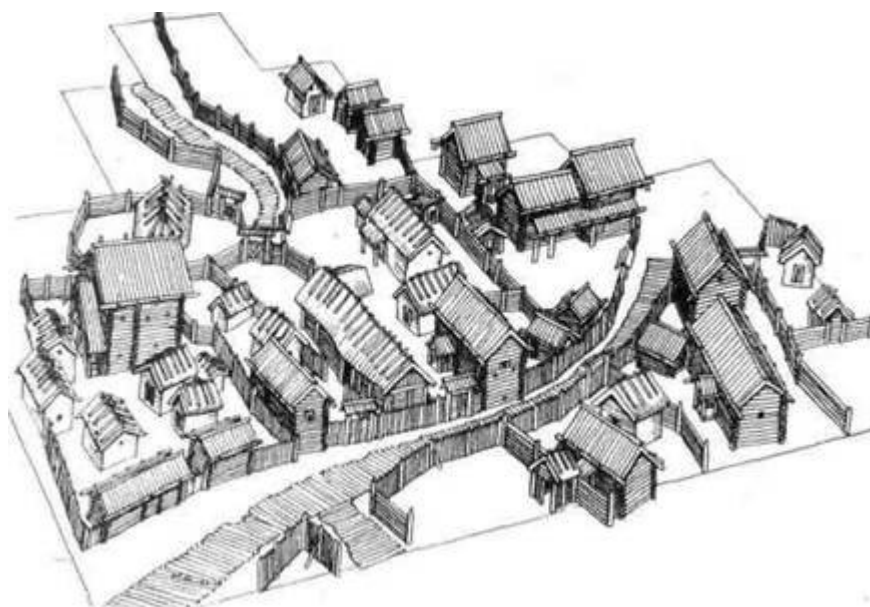
По мере концентрации населения в районе Рязани к ней постепенно переходит роль первенствующего в земле города, и около середины XII в. происходит обособление Рязанского княжества. Возрастает правительственная роль князя, его боярской администрации и дружины из профессиональных воинов. Центры земель, объединявшие волостную территорию, нуждались в князьях для дипломатических отношений, но прежде всего в качестве военных вождей. Князья руководили наступательными и оборонительными операциями, отвечали за состояние городских укреплений. Они способствовали распространению христианства, материально поддерживая духовенство и организуя «храмовое строение».

Только централизованная княжеская власть оказалась способной возглавить грандиозное по масштабам строительство практически нового стольного города (Южное городище — Стольный город). Размеры его укрепленной части увеличиваются в восемь раз и достигают 60 га, а вместе с предместьями — 75 га. Основные градостроительные работы, произведенные по единому замыслу, вероятно, развернулись в начале правления Глеба Ростиславича в конце 50-х — начале 60-х годов XII в. В Рязань приглашались высококвалифицированные мастера, главным образом из Киевского и Черниговского княжеств: градоделы, храмоздатель, «кузнецы железу, меди и серебру», а также купцы и представители духовенства — «книжные люди». Административный центр города перемещается в его юго-западную часть, где по образцам черниговской архитектуры воздвигаются княжеский Борисоглебский и общегородской кафедральный Успенский соборы. Городовые мастера проводили трассировку улиц, ведущих к главным воротам, межевание усадебных участков. При средней площади двора-усады в 400 кв.м и размерах семьи в четыре—пять человек окажется, что к началу XIII в. в Рязани проживало около 8 тыс. жителей. По средневековым меркам Рязань — большой город. Достаточно сказать, что в XII в. Париж

насчитывал около 25 тыс. обитателей, а такие крупнейшие города Германии, как Регенсбург,— около 25 тыс., Кёльн — около 20, а Страсбург — 15 тыс.

Развитие оборонительной стены (по разрезу вала у Исадских ворот).
Видно, как первоначальная простая стена из городен с частоколом наверху постепенно превращается в мощное фортификационное сооружение с трехстенными срубами-контрфорсами, осадными клетями с тыльной стороны, заборами для защиты наверху и двумя рядами частоколов. С напольной стороны был вырыт глубокий ров.

Дворовая застройка ремесленного квартала Рязани.
Жилые дома располагались в глубине дворов, улицу окаймляли заборы и стены хозяйственных помещений.

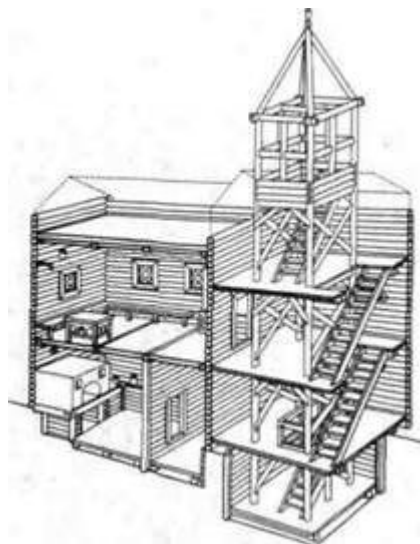
- **СТЕНЫ ГРАДСКИЕ**

Создание укреплений — прекрасного памятника военно-инженерного искусства —

рязанцы рассматривали как великое общее дело, требовавшее огромных материальных и людских ресурсов. Именно всеобщая заинтересованность в возведении неприступной цитадели, а не принудительный труд, как это часто пытаются представить, двигала огромными массами строителей. «Город ставили» коллективно, «всем миром» — отсюда удивляющий и поныне колоссальный размах работ.

Как показала расшифровка разреза вала у Исадских ворот в восточной стене, укрепления Стольного города трижды ремонтировали и один раз восстанавливали после того, как в 1208 г. Рязань сжег владими́ро-суздальский князь Всеволод III Большое Гнездо: «И повеле великий князь всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град» [6]. В 1237 г. при нашествии Батыя стены Рязани были окончательно уничтожены и более не восстанавливались.

Исследование рязанских валов, высота которых местами достигает 10 м, подвергает серьёзному сомнению бытующее среди археологов мнение, что они являлись укреплениями, но только с внутренними деревянными конструкциями. В действительности валы — это остатки самих стен: при исчезновении деревянных срубов-городен остаются расплывшиеся массы заполнявшего их грунта. Материковый лёссовидный суглинок для засыпки клеток городен брали рядом со стеной, выкапывая ров. Клетки примыкавших друг к другу городен — звеньев «стены городской» — требовали ремонта и восстановления после пожаров. В итоге сравнительно простая стена середины XII в. ко времени монгольского завоевания превратилась в труднодоступное и развитое фортификационное сооружение. Со стороны поля была воздвигнута трехъярусная стена с боевыми площадками-заборами наверху.

Остатки боярского «теремного строения» — живописных зданий дворцового типа. Реконструировано сооружение в виде двухэтажного дома с горницей и башней-вежей, которую венчала дозорная вышка-смотряльня.

По мере совершенствования оборонительной системы Рязани усложнялась архитектура башен-веж, особенно монументальных воротных. Никак нельзя согласиться с бытующим представлением, что вплоть до XIII в. башни в русском оборонительном зодчестве не имели широкого распространения. Чтобы обеспечить фланговую стрельбу, башни примерно на 1,5 м выступали за линию стены, в верхней части имели расширения, образующие круговой верхний бой, и завершались шатровыми кровлями.

Вид на Оку с юго-западной части древнего вала. Слева на горизонте

просматривается Новый Ольгин городок — военный форпост XII—XIII вв. в устье Прони. На низменном левом берегу Оки раскинулись обширные заливные луга.

• **ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА**

Детально изучая планы и разрезы сооружений, мы смогли дать объяснение почти всем остаткам строительных конструкций (несмотря на плохую сохранность дерева), иногда с восстановлением интерьера и целостной постройки до конька крыши. На материалах раскопок в Рязани традиционное в археологической литературе деление жилищ в русских городах X—XIII вв. на наземные, полуземляночные и земляночные не подтверждается. Выяснилось, что все жилые дома («строение хоромное») как в срубной, так и в каркасной технике относятся к наземному типу. В большинстве случаев при небольшой площади раскопок за жилые землянки принимают разнообразные погреба и подполья наземных изб. Как и верхние части сооружений, подпольные помещения, иногда равные по размерам самому дому, могут иметь дощатые полы с ямами под ними для хранения припасов. Некоторые погреба отапливались маленькими очажками в виде подбоя в стене. По сути «полуземлянки» — это те же наземные дома с подклетом или углубленные в землю на несколько венцов для сохранения тепла зимой. Если в подпольях находят остатки печей (один из аргументов в пользу «теории землянок»), то легко доказать, что они рухнули сверху при пожаре жилища. На материалах Рязани и Киева, где на Подоле исследованы усадьбы с наземными постройками, следует отказаться от представлений о застройке городов периода расцвета древнерусской культуры какими-то архаичными «земляными норами» в непосредственном их соседстве с каменными храмами и боярскими теремными комплексами. Как на севере, так и на юге Руси доминировали наземные дома, причем постройки не были типизированы: каждая из них обладала ярко выраженными индивидуальными чертами. В северных городах (например, в Новгороде) ввиду почвенных условий сложная система подземных хозяйственных помещений отсутствует.

Открытый в 1992 г. клад золотых украшений от праздничного женского головного убора (уцелел почти полный набор вещей). Светозарная цветовая гамма украшений, особенно «магия золотая, олицетворяла земное богатство и знатность; вместе с тем золото знаменовало стихию солнечного света и божественную энергию.

Вверху слева — колт (лицевая сторона). Золото. Перегородчатая эмаль, скань, жемчуг. В центре — щиток с изящной женской головкой, увенчанной узорчатым кокошником; по сторонам лица — колты, подобные найденному в кладе. "Портрет" этой знатной дамы окаймлен скаными кольцами, полушариками и жемчужными обнизями. Сканный узор оборотной стороны колта (вверху справа) не имеет аналогий среди украшений из древнерусских кладов. «Ковровый» орнамент в виде плавно закругляющихся завитков мог* воплощать идею райского сада.

Внизу слева — деталь оборотной стороны колта. Для его орнаментики характерно изобилие растительных мотивов, символизирующих плодородие, возрождение жизни. Внизу справа — деталь пластинки от края очелья с трехбусинным полукольцом. Золото. Перегородчатая эмаль, скань, зернь, вставки цветного стекла и альмандинов (гранатов). Фото автора

Реконструкция древнерусского женского головного убора XII в. (по материалам клада 1992 г.) «Очелье» из трехбусинных полуколец нашито на валик в нижней части кокошника; крупные подвески-колты свисают на матерчатых лентах по сторонам щёк.

• **«ФЕОДАЛЬНАЯ» И «НАРОДНАЯ» КУЛЬТУРЫ**

От градостроительных проблем неотделимы историко-социологические и культурологические. На базе не только рязанских, но и всей совокупности археологических данных не выдерживает критики основанный на догмах «исторического материализма» тезис о двух культурах в средневековом обществе. Само по себе спорное высказывание В. И. Ленина о двух культурах при капитализме (буржуазной и пролетарской) было механически перенесено на эпоху древней Руси. При этом «феодалная культура», отождествляемая с дружинной и городской, противопоставляется культуре «народной», т. е. деревенской (как будто городское население — это не народ!). В этой безапелляционно декларируемой противоположности отчётливо проявляется тенденция идеализации язычества на Руси. До середины 80-х годов в официальной советской историографии утверждалась изначальная классовая сущность русской «феодалной церкви», учение и искусство которой оставались якобы чуждыми народным массам. В подобных утверждениях психология людей минувших эпох, средневековая ментальность, не говоря уже об отношениях и особенностях мировоззрения разных социальных и социoproфессиональных групп, предстают в крайне упрощённом и искажённом виде.

Культура Рязани и других городов Руси — это единая система, несмотря на то, что около середины XII в. усложняется сословная структура населения, дифференцируется его производственная деятельность. Хотя имущественное и социальное расслоение обозначается гораздо резче, чем в предшествующую эпоху, размежевание знати с демократическими кругами углубляется — резкого

антагонизма между разными общественными группами не наблюдается, что не исключало возникавших противоречий. Социальное расслоение почти не отразилось в топографии города: боярские дворы и усадьбы ремесленников соседствуют друг с другом, хотя аристократические и церковные владения обнаруживают явное тяготение к прибрежной части Рязани, её «набережной». В городе преобладало среднеимущее ремесленно-торговое население, а число богатых было невелико.

Как «первые люди», так и «чёрные» спланивались на духовной основе христианства при сохранении и в глубинах сознания, и в ритуальной практике вплоть до XX в. сильнейших архаических пластов, уходящих корнями в отдалённейшие времена. Но дело в том, что суеверия и магические действия, фольклорные начала в культуре, тяга к светским празднествам, связанным с языческой обрядностью, были присущи и верхам и низам общества. Разумеется, при усложнившейся сословной структуре, когда город создавал новое общество из разнообразных социальных элементов, сосуществовали и разные уровни культуры, в целом более разветвлённой и многогранной. Но тем не менее между интеллектуальной элитарной культурой даже высших представителей клира, светской дружинной и простонародной мифо-поэтической культурами не было непроницаемых перегородок. Так, произведения художественного ремесла Рязани служат важным источником для изучения коллективного сознания не только бояр и профессиональных воинов, но и любого человека той эпохи, в воззрениях которого совмещались церковная ортодоксия и представления о мире, близкие народным верованиям. Например, на серебряном браслете-обруче из клада, найденного во «дворе воеводы», сцены скоморошских игрищ переносят нас в мир языческой старины, рисуют «служения идольские», может быть, приуроченные к аграрным празднествам. Самый темный крестьянин из «медвежьего угла», сохраняя языческие традиции предков, веру в оберегающую силу всевозможных талисманов, постепенно приобщался к истинам христианства, несмотря на весьма своеобразное их усвоение.

Судя по топографии рязанских кладов драгоценных женских украшений из золота и серебра, запрятанных при разгроме города Батыем в декабре 1237 г., они принадлежали не только княжеско-боярской верхушке, но и зажиточным горожанам, например ювелирам высшей квалификации.

• **МИКРОМИР ВЕЩИ**

Шедевры рязанских мастеров золотых и серебряных дел — свидетельство технического и художественного расцвета городского ремесла XII—XIII вв., высокого уровня русских златокузнецов, в совершенстве владевших техникой перегородчатой эмали на золоте, создававших изощренные узоры с использованием зерни и скани, украшавших изделия вставками из драгоценных камней и жемчужными обнизями, что придавало их произведениям светозарную красоту. Яркий пример их искусства — клад золотых украшений, найденный при раскопках на Старорязанском городище летом 1992 г. Он позволил реконструировать великолепный головной убор знатной владелицы узорочья [7].

Типология древнерусских украшений, техника их изготовления достаточно хорошо изучены. Но клады, подобные старорязанским, дают и другую информацию, позволяющую выявлять символические и этические начала, заложенные в произведении. Средневековый художник, вкладывая в свою работу великое терпение и прилежание, в первую очередь ценил духовную красоту вещи, равнозначную божественно прекрасному. По его представлениям, он только подчинял материал изначально заданной Богом форме, а в создаваемых образах выражал коллективные мысли своей эпохи, в которых не последнее место занимали языческо-христианские фольклорные мотивы. При существовавшей в обществе единой христианской системе коммуникации и миропонимания менталитет различных социальных и профессиональных групп имел свою специфику, что, естественно, не привлекало внимания советских историков. Духовно-психологическая природа личности-микрокосма, в том числе глубинные истоки творчества средневековых мастеров, оставались непонятыми ввиду господства вульгарного социологизма и воинствующего атеизма. При этом упускалось из виду, что, по воззрениям средневековья, всё сотворенное Всевышним, совершенно и, следовательно, одним из признаков сверхземного происхождения рукотворной вещи является её зримая красота. Отсюда — стремление к совершенству воплощения, редкостный дар тщательной отделки, когда преобладает одно стремление — сделать как можно лучше. Так возникал шедевр — изделие, доведённое до высшей степени артистизма.

Слова В. И. Вернадского, что «победа какого-нибудь научного взгляда и включение его в мировоззрение не доказывают ещё его истинности», в полной мере

применимы к истории и археологии. На основе исследования только одного города сделана попытка показать, какими сложными и кружными путями мы движемся к познанию прошлого. При междисциплинарном подходе к изучению древней Руси, когда подвергаются сомнению казавшиеся ещё вчера нерушимыми догматы, роль археологии с её практической неисчерпаемостью материалов будет неизменно возрастать.

Женские золотые украшения из клада, найденного на территории боярского двора XII—XIII вв. Фото автора

• ССЫЛКИ

- [1] Монгайт А. Л. Старая Рязань // Материалы изложены в кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974.
- [2] Результаты раскопок на городище в 1966-1969 гг. и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 49.
- [3] См. например: Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967; Д а р к е в и ч В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978.
- [4] Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 52.
- [5] Ю ш к о в С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939. С. 134, 135.
- [6] Полн. собр. русских летописей. М., 1962. Т. 1. Стб. 434.
- [7] Подробнее об этом кладе см.: Даркевич В. П.// Наука и жизнь. 1993. № 3.